A photograph of a man in black clerical vestments, including a cassock and a pectoral cross, standing in a courtyard. He is looking to his left and holding a small book or prayer book. The background shows a stone building with arches and some greenery.

Священник
Сергий Бейлинов

**СВЯЩЕННИК,
ВРАЧ,
ПАЦИЕНТ**

Сергий Бейлинов
Священник, врач, пациент

Православное издательство "Сатись"

2002

Бейлинов С.

Священник, врач, пациент / С. Бейлинов — Православное
издательство "Сатись", 2002

ISBN 5-7373-0246-6

Эта книга – своеобразный цикл записок, посланий и речей о высоком и таинственном призвании человека о непостижимой глубине отношений Бога и человеческой личности. Автор книги, ныне почивший о Господе, выделен многими талантами, среди них: дар любящего пастыря, дар врачевания телесного, дар сострадания и утешения. Эта книга – обращение к Богу и обращение к людям с верой, надеждой и любовью.

ISBN 5-7373-0246-6

© Бейлинов С., 2002
© Православное издательство
"Сатись", 2002

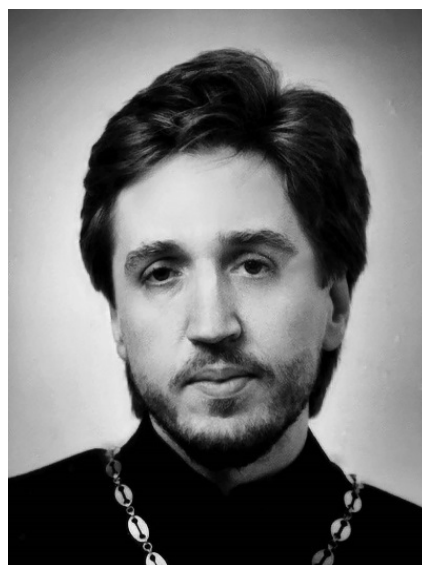
Содержание

Предисловие	6
Верность традиции	6
Жизнь, посвященная Богу и людям	8
Так тихими шагами жизнь идет к последней, недописанной странице	10
Записки пациента, врача, священника	12
Отними грех – и болезни не будет	14
Дарение жизни	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Священник Сергей Бейлинов Священник, врач, пациент

*По благословению
епископа Запорожского и Мелитопольского
ВАСИЛИЯ*

Священник Сергей Бейлинов

Предисловие

Верность традиции

Одно из важнейших условий спасения каждого православного верующего есть вхождение в ту реальность, которая на языке Православной Церкви называется Традицией. Традиция с большой буквы – это осмысление веры, страданий, молитвы, смерти и т. д. в контексте Священного Предания. Христианин неизменно задается вопросом: «В какой тональности должен звучать камертон моей жизни, чтобы ей войти в созвучие с жизнью сонма святых, просиявших в человеческой истории и украсивших небосвод Торжествующей Церкви?» Для вхождения в Традицию нужна особенная утонченность сердца, души и ума, нужно трезвое духовное осмысление всех реалий земного бытия. Традиция едина, но она по-разному осмысляется в контексте каждой конкретной эпохи. Ведь тот или иной период истории требует своих слов, понятий и терминов, чтобы донести до ума и сердца каждого то сокровенное, интимное, что поможет человеку понять и осознать свою связь с Богочеловеческой Личностью Иисуса Христа. И задача священника – создать все условия для брака каждой человеческой души со Христом, суметь соединить сердце духовного чада со Спасителем, с тем чтобы этот союз не смогли разорвать никакие внутренние и внешние катаклизмы. Одним из тех священников, которым это удавалось в полной мере, был иерей Сергей Бейлинов. Мне очень трудно передать на словах всю глубину и красоту его личности. В нем была какая-то особенная теплота, которая притягивала к себе множество самых разных людей.

До принятия иерейского сана жизнь о. Сергия была связана с медициной. По окончании мединститута он несколько лет работал врачом-анестезиологом, заведовал отделением, а после учебы в ординатуре преподавал на кафедре анестезиологии и реанимации ЗГМИ. Был не только прекрасным врачом, но и перспективным ученым с огромным внутренним потенциалом, с возможностью сделать блестящую карьеру. Вот только не давал покоя один вопрос: «В чем смысл короткой земной человеческой жизни? Зачем я и все мы здесь?» Случаи летального исхода, которые нередко встречаются во врачебной практике, только обостряли жгучесть этого вопроса. Однажды, увидев труп юноши – гладко выбритого, с еще свежим запахом дорожного одеколona, юноши, который, по всей видимости, еще пару часов назад был полон надежд на будущее, а теперь превратился в пищу для червей, – Сергей с предельной ясностью вдруг понял, что вопрос о смысле жизни не является праздным любопытством ума, что это главный вопрос человеческого существования.

К Православию Сергей пришел осмысленно, через серьезное изучение различных религиозных систем и традиций. Сопоставляя их, он проникся убеждением, что только Православная Церковь является той лестницей, которая возводит душу на Небо. Его крещение в возрасте 28 лет было вполне осознанным актом. Это была не дань обрядоверию, как это, увы, нередко случается в наши дни. Это был четко осмысленный выбор дальнейшего жизненного пути. Глубокое изучение святоотеческого наследия и богословской литературы дали С. Бейлинову ясное понимание того, что его медицинское образование, студенческое увлечение психологией и психиатрией были интуитивными поисками настоящей врачебной практики, которую искала его, тогда еще религиозно слепая, душа. Практики врачевания и исцеления страждущих человеческих душ. Поэтому молодой врач, не колеблясь, ответил согласием на предложение правящего архиерея принять священнический сан. И вот в 1994 году, в праздник Благовещенья, Сергей был рукоположен во диаконы, а в Страстной Четверг того же года – во иереи. Будучи проповедником, что называется, от Бога, обладая феноменальной памятью и на редкость сильными интеллектом, он привел к вере множество людей. Многие отмечали удивительную способность

о. Сергия – умение увидеть сущность человеческой души, прочувствовать ее состояние, услышать боль сердца и уметь найти именно те слова утешения, которые действовали как целительный бальзам. Его заветной мечтой было открыть храм при больнице – там, где люди особенно сильно страдают и телесно, и душевно. Мечта сбылась 7 марта 1998 года, когда в 9-й горбольнице был освящен храм во имя святых Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Здесь о. Сергей стал настоятелем.

– Когда человек находится в телесных скорбях, он испытывает потребность, как минимум, в утешении, – говорил батюшка в телевизионном интервью, посвященном приходской жизни своего храма. – Кроме того, Церковь предлагает всякому желающему огромный двухтысячелетний опыт своего рода психологической работы с людьми. Она помогает человеку открыть источники мужества в нем самом.

Надо сказать, жизнь во Христе и со Христом была для о. Сергия не предметом теоретического исследования, не поводом для суетного красноречия, а самым что ни на есть глубинным смыслом личного существования. Вот лишь один из многочисленных примеров его священнической практики. Как-то, придя поздно домой, он вынужден был признаться матушке Людмиле, что ему пришлось долго идти пешком, так как не было денег на проезд. Все свое недельное денежное довольствие, которое о. Сергей получил в тот день, он отдал одному юноше, у которого тяжело болела мать. Отдал все, не оставив даже 30 копеек на транспорт.

Можно долго описывать пастырскую практику батюшки, его знаменитые исповеди, после которых духовные чада чувствовали себя словно заново рожденными, обновленными и преобразенными, его Богослужения, которые были не формальным вычитыванием положенных чинопоследований, а пространством общения души с Личностью Господа. Главным смыслом пастырского служения иерея Сергия Бейлинова была идея обожения личности человека, преобразования ее во Христе.

... Жизнь христианина, который направил все свои деяния и помыслы к Богу, можно, пожалуй, сравнить с тем, как ракетноситель выводит на околоземную орбиту спутник. Одна за другой отваливаются ступени, которые больше не нужны ракете. Так и у верующего сгорает все то наносное, греховное, ненужное, что отделяет его от Христа. За годы моей дружбы с отцом Сергием я стал свидетелем, не побоюсь этого слова, настоящего чуда, когда из человека, о котором порой говорят «грешен, как все», выросла личность, воплотившая и реализовавшая в себе замысел Божий о ней.

С. Бейлинов претерпел множество скорбей. А они, как известно, являются своеобразным горнилом, освящающим человека для Царствия Божия. Тяжелая травма, прикованность на многие месяцы к постели, когда семья осталась, по сути, без средств к существованию, внутренние страдания и внешние испытания – все это было тем духовным лекарством, принимая которое со смирением и благодарностью, о. Сергей как бы становился причастником Голгофских страданий Спасителя. Последние месяцы жизни батюшка особенно глубоко отдавался молитве – даже тогда, когда боль не давала уснуть. В особенно тяжкие минуты уже предсмертных страданий он укреплял себя чтением наизусть отрывков из Евангелия и Псалтыри.

Основная ценность книги, которую Вы, уважаемый читатель, держите сейчас в своих руках, заключается в том, что она языком нашего времени раскрывает Традицию Церкви, а в свете этой Традиции, в свете Евангельского благовествования и святоотеческого наследия помогает верно осмыслить различные немаловажные стороны социального и индивидуального бытия людей в нынешнюю эпоху. Надеемся, что вдумчивый читатель найдет в этой книге ответы на многие из тех вопросов, которые часто возникают в нашей жизни.

Прот. Игорь Рябко

Жизнь, посвященная Богу и людям

Перед Вами, уважаемый читатель, сборник статей иерея Сергия Бейлинова (21.10.1960 – 14.01.1999), в разное время опубликованных в епархиальной газете «Запорожье Православное» и в светской периодике. Предлагаемый сборник – своеобразная дань памяти этому незаурядному человеку, доброму пастырю и талантливому церковному публицисту. Впрочем, даже то сравнительно небольшое, что успел написать иерей С. Бейлинов, не устареет, не утратит своего значения уже никогда. Ибо он умел говорить с людьми века сего – века массовых псевдонаучных суеверий и лжерационализма – на понятном, привычном и доступном им языке, не опускаясь до их предрассудков, а поднимая их до разумения высших духовных истин.

Умел благовествовать о Боге и Божественном так, что иные закоренелые, казалось бы, материалисты, не видевшие впереди ничего, кроме крошечной тьмы личного небытия, в конце концов, обретали надежду на Воскресение и жизнь вечную.

– Встреча с о. Сергием (а я считаю ее не случайной) привела меня к вере, хотя раньше я думала, что никогда к ней не приду в силу своего профессионально – реалистического мышления, – вспоминает Лидия Соловьева, в недавнем прошлом – главврач 9-й горбольницы Запорожья. – Общение с ним приносило утешение, успокоение и больным, и персоналу. У нас в больнице полторы тысячи сотрудников, но именно встреча с Сергеем Бейлиновым перевернула жизнь и мою, и моих близких.

Вообще дар миссионера-проповедника, которым Господь сполна наделил о. Сергия и который тот неустанно совершенствовал в себе, поражал меня в нем едва ли не больше всего, хотя, безусловно, весь он, как разносторонне одаренная личность, вызывал неподдельный интерес и симпатию, желание общаться как можно чаще. Особое же восхищение миссионерским даром батюшки с моей стороны объясняется тем, что, будучи журналистом, я по собственному опыту знаю, насколько нелегко бывает написать толковую статью, не говоря уже о том, чтобы свободно, раскованно чувствовать себя в прямом телевизионном эфире. Так вот, не имея ни специального журналистского, ни даже филологического образования, С. Бейлинов владел устным и письменным словом куда лучше, нежели многие мои дипломированные коллеги. Все его тексты отличает кристальная ясность и логичность изложения, отсутствие наукообразной зауми и стилистических красотостей. Помню, как непринужденно и легко о. Сергей выступал с популярными лекциями по богословию перед студентами и преподавателями Запорожской государственной инженерной академии, при этом доступно, наглядно и просто излагая сложнейшие мировоззренческие темы, не уходя от ответов на самые каверзные вопросы и тем самым разбивая скорлупу окаменелого нечувствия к иной, трансцендентной реальности, на которое до сих пор программирует система официального светского образования. Впрочем, за этой чисто внешней легкостью угадывалась непрерывная и напряженная внутренняя работа, которая началась еще на рубеже 80—90-х годов, когда 28-летний врач-анестезиолог С. Бейлинов, с отличием закончивший Запорожский медицинский институт, пришел к Православной вере, а впоследствии решил и посвятить себя служению Богу. Факт, кстати, сам по себе весьма красноречивый: молодому человеку, профессия которого не без оснований считается оплотом скептического безверия, именно медицинская практика во многом открыла глаза на сущность жизни и смерти, на подлинную картину мира. И не просто открыла, а побудила сделать определяющий шаг: от спасения смертной физической плоти людей – к врачеванию их бессмертных и бесплотных душ. И ведь при этом никто, ни один самый ярый недоброжелатель, не мог упрекнуть о. Сергия в том, будто бы тот – никудышный врач, сбежавший от своей профессиональной несостоятельности «в попы». Ибо за все годы работы доктора Бейлинова в реанимационных отделениях 5-й и 9-й городских больниц Запорожья во время его дежурств ни один пациент не умер, в каком бы критическом состоянии их ни доставляли. Да и потом, еще до

рукоположения во иереи, он защитил кандидатскую диссертацию и получил соответствующую ученую степень. Что до религиозности о. Сергия, то святое крещение он принял в те времена, когда такие поступки, мягко говоря, не поощрялись, а во врачебной, по большей части атеистической, среде нередко воспринимались с откровенной насмешкой. Так что интеллектуальная честность, равно как врачебный профессионализм и широкая образованность отца Сергия Бейлинова сомнению не подлежат.

Что еще поражает в творчестве о. Сергия? То, что, обращаясь к читателю – потенциальному скептику и рационалисту – он почти никогда не прибегает к формально логическим доказательствам бытия Божия. Хотя при его эрудиции и блестящем уме это не составило бы особого труда. И тем не менее всегда как бы само собой выходит, что батюшка прав. Вот уж воистину: *Науку беззаконный путем Твоимъ, и нечестивши к Тебе обратятся* (50-й Псалом). Более того, по прочтении его статей и коротких заметок неизменно возникает радостное ощущение, словно соприкоснулся с чем-то возвышенным, чистым и светлым. Думается, это от того, что Православное христианство было для о. Сергия не отвлеченной мировоззренческой доктриной, а образом его повседневной жизни. Не отсюда ли то благодатное воздействие, которое он как личность оказывал на окружающих и которое до сих пор излучают написанные им тексты?

Что ж, действительно, вся земная жизнь и даже сама смерть о. Сергия – зримое свидетельство того, что христианство – это не утопия, что при определенных усилиях со стороны самого человека оно вполне осуществимо в его личной судьбе. Когда батюшки не стало, проститься с ним собрались сотни незнакомых между собой людей, объединенных общим горем. Все они знали и любили отца Сергия, потому что всегда находили у него то, что искали: утешение, мир и душевный покой.

Отец Сергей отошел в мир иной в возрасте 38 лет. Почему его земные дни были столь коротки, знает лишь Господь. Не нам, многогрешным, об этом судить. Но даже сама кончина о. Сергия была достойной и мужественной. Незадолго до нового 1999 года он почувствовал себя очень и очень плохо. Вероятно, дала о себе знать долгая жестокая болезнь, которая мучила его в последние месяцы жизни. Так вот, вместо того, чтобы заниматься собой, батюшка помогал ухаживать за другими больными. И уже умирая и понимая, что это конец, он не впал в малодушие. Читая наизусть отрывки из Священного Писания, укрепляя себя молитвой, он мужественно и смиренно принял как дар Божий свою раннюю кончину.

*Сергей Григорьев,
член Союза журналистов Украины.*

Так тихими шагами жизнь идет к последней, недописанной странице

Помните, как начинается «Божественная комедия»?

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...

«До половины» – это, согласно Данте, до тридцати пяти лет. Не случайно герой оказывается в «сумрачном лесу». В эти годы человек подходит к некоему барьеру, важному жизненному рубежу, делящему на «до» и «после». Психологи называют этот рубеж «кризисом середины жизни».

Уже пора подводить первые итоги своего земного странствия, и итоги эти носят, по большей части, неутешительный характер.

В дорогу жизни провожая
Своих сынов, безумцев, нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас.
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И теми снами золотыми
Прогоны жизни платим мы...

(Е. А. Баратынский)

Первый плод нашей зрелости – расставание с иллюзиями. Вдруг с ужасающей ясностью видишь, что жизнь короче, чем представлялась, что на иные вещи времени уже никогда не будет.

Взрослые, внезапно выросшие дети, седина, болезни, которые делаются все лютей, все продолжительней, открытый счет потерь среди сверстников напоминают нам, что мы пришли на краткий срок, что не к тому мы назначены, чтобы наслаждаться радостями этого мира. *Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете...* (Песн. 2, 15)

Ход времени катастрофически ускоряется. Становится ясно, что мы вовсе не расточительные богачи, которыми порой представлялись себе. В какой-нибудь из серых бессолнечных дней без причины вдруг заболит, защежит душа от какой-то новой, доселе небывалой печали:

Мы дни за днями шепчем:
Завтра, завтра...
Так тихими шагами жизнь идет
К последней, недописанной странице.
Потом окажется, что все вчера...

(В. Шекспир)

Слова о смысле жизни, которые доселе произносились исключительно в ироническом контексте, вдруг получают иное звучание. В чем смысл жизни – не вообще, а моей конкретной

жизни? От этих вопросов душа болит, и эта боль означает не что иное как призыв: *Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов* (Мф. 8, 22) Итак, вперед, навстречу радости! Мы движемся, преодолевая земное притяжение, обретая в телесном увядании опыт Вечности. Христос – Победитель смерти – сильнее времени. И чем ближе сподобимся мы приблизиться к Нему, тем менее ощутимо и различимо будет безостановочное движение неумолимых стрелок часов.

Записки пациента, врача, священника

Автору этих строк довелось быть и тем, и другим, и третьим.

Какой видится нынешняя медицина пациенту? Сказать по правде, более всего медицина пациента устрашает. Он видит неизбежность боли и страданий разной степени интенсивности; смерть вдруг обретает черты необыкновенной определенности; больной становится зависим от незнакомых, порой малосимпатичных людей, он лишен привычной ему обстановки (по бедности наших клиник разность между домом и больницей просто катастрофична). Кроме того, медицина нынешняя пациенту предельно разорительна: в больнице чего нихватишься – ничего нет, нередко у больного поселяется чувство вины за то, что его болезнь буквально опустошает семейный бюджет.

Чем длительнее срок госпитализации, тем более проступают в характере больного человека черты детскости: обидчивость, недержание эмоций, эгоизм, жажда утешения, склонность к фантазированию и т. д. Порой у пациента возникает чувство бездны, разверзшейся под ногами, порой тешит он себя легкомысленными прогнозами. Очень хорошо это описал Л. Толстой в рассказе «Смерть Ивана Ильича». Независимо от диагноза больной неустойчив в своих настроениях и желаниях.

С точки зрения врача, медицина – это власть и ответственность. Врач действительно обладает властью над пациентом. Чувство власти почти неизбежно подсознательно культивирует в душе гордость. Симптомами данной страсти являются обычные во врачебной среде нетерпимость к коллегам, начальству, категоричность мнений, желание во что бы то ни стало настаивать на своем. Однако все это в значительной степени ограничивается чувством ответственности, которое испытывает каждый врач. Это – как две чаши весов, постоянно колеблющиеся. В случае удачного исхода лечения врач говорит: «Я исцелил больного», и это очень тешит гордость. Однако в случае неблагоприятного результата логично было бы сказать: «Я навредил больному», или: «Я умертвил больного». Это может раздавить, уничтожить врача.

Что делать священнику в больнице? Наверное, это уникальный случай из нынешней жизни, когда говорят не «дайте нам», а – «возьмите у нас». Святая Церковь предлагает свои прекрасные дары всякому желающему их. Таких даров два: земной и небесный, мистический. Земной дар есть всегда присущее и реально осуществляемое Церковью дело утешения страждущих. Больной слышит от священника, что он не одинок, что страдания его имеют смысл, ему открываются источники самопознания и мужества. Такие посещения больных, которым предстоит операция или находящихся в послеоперационном периоде, а также тяжелобольных и умирающих, весьма благотворно сказываются на их душевном состоянии. Оставленные после визита иконки, крестики продолжают напоминать пациентам слова утешения, слышанные от батюшки, укрепляя надежду. Наверное, нет ни одного больного, который отказался бы от окропления святой водой, иерейского благословения. Быть может, кому-то это покажется малозначительным. Лишь сами больные знают цену подобным «пустякам». Есть пословица: «Кто по морю не плавал, тот Богу не маливался»; можно сказать и так: «Кто в больнице не лечился, тот настоящей молитвой не молился». Нередко именно скорби полагают начало духовному пробуждению человека.

Не менее важно общение священника с медиками: оно часто позволяет снять психологическое напряжение в коллективе, уяснить врачу свою роль и место в лечебном процессе не как властителя жизни и смерти, а как приставника к Божию делу, обязанному максимально честно исполнять свои обязанности, а уж плоды своих трудов относить к Промыслу Творца: только Господь волен в определении исхода лечения.

И, наконец, мистический дар. Многим ведома сила Таинств Православной Церкви. Нельзя лишать их болящих. Всякий желающий должен быть крещен, причащен Святых Таин,

исповедован, соборован, т. е. должен иметь возможность прибегнуть непосредственно к Врачу душ и телес – Христу, Богу нашему, и Его животворящей благодати.

Отними грех – и болезни не будет

Больные часто говорят: «За что я страдаю?» Правильнее было бы спросить: «Для чего?» Премудрый Екклесиаст жизнь нашу назвал суетой сует. Действительно, между рождением и смертью жизнь человеческая наполнена множеством забот, каждая из которых имеет свой смысл: воспитать детей, получить образование, построить дачу и т. д., но сумма их абсолютно бессмысленна – все уничтожается смертью. Человек по природе своей неотмирное существо: только вечность оправдывает земное бытие.

Суета – враг вечности, ее непрерывный спутник – стремительный бег времени. В вечности нет времени – и для больного время останавливается: прошлое видится ему как бы выцветшим, поблекшим, будущее весьма туманно, существует только день сегодняшний... «Как прямая, пересекающая плоскость, принадлежит ей одной точкой, – говорит митрополит Антоний Сурожский, – так и жизнь наша принадлежит вечности только настоящим моментом». Когда уничтожаются иллюзии прошлого и фантазии будущего, человек остается лицом к лицу с подлинной жизнью. Болезнь возвращает человека к реальности из мира иллюзий.

Во дни благополучия пользуйся благом, а в дни несчастья размышляй, – говорит Екклесиаст. О чем же размышлять больному, если не о болезни своей?

У болезней есть свои внешние и внутренние причины, причем внешние только без внутренних оказываются недейственными. Имя внутренней причины – грех... «Отыми грех, и болезни не будет», – учил преподобный Серафим Саровский.

Грех, как противление Божию закону, вызывает внутренний душевный конфликт (душа-то по природе своей христианка, заметил Тертуллиан). Например, гордый человек считает себя не соответствующим обстоятельствам своей жизни: «я не могу простить обиду», «мне строят козни», «мои способности не ценят» или «у меня, такого честного, денег нет, а негодяи благоденствуют» и т. п.; печальный и унывающий носится с идеей самообвинения типа: «Если бы я не сделал того-то и того-то, то не случилось бы того-то» и т. д. Подобные душевные коллизии через тонкие нервные и гормональные влияния отрицательно влияют на тело, и человек заболевает. То же можно сказать и о грехах чревоугодия, блуда, сребролюбия, исполняющих душу множеством противоречий и лжи.

В болезни обязательно есть духовная сторона. Иногда болезнь посылается Богом для врачевания души: *Ибо страдающий плотию перестает грешить* (1Пет. 4, 1). Следует помнить, что все, происходящее с нами, происходит по воле Всеблагого Бога. Мы часто неспособны уразуметь Божие о нас Промышления и называем события нашей жизни счастьем, несчастьем, удачей, потерей, но все это – не более чем педагогические средства, всегда самые для нас, в наших обстоятельствах, подходящие (хоть полезное – не всегда приятное). Что же делать? Если человек не властен над болезнью, то отношение к собственной болезни – в его власти. Врачи знают, как тяжело лечить печального, павшего духом человека. Поэтому, наряду с медицинским пособием [*Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими* – (Сир. 38, 4)], надлежит очистить душу от греха покаянием: вспомнить свою жизнь, свои грехи и неправды, и, уподобясь благоразумному разбойнику (Лк. 23, 40–43), искренне посчитать себя достойным постигшего несчастья. Необходимо от души простить всех своих обидчиков и попросить прощения у всех обиженных. Отбросив ложный стыд, надобно идти в храм для исповеди (или призвать священника к себе) и каяться во всем, что подсказано совестью, начиная от детства.

В болезни – и не только в болезни – благо человеку возможно чаще приступать к Евхаристической Чаше, причащаться Тела и Крови Христовых... И еще. Существует Таинство Елеосвящения (соборование), основанное на заповеди апостола: *Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне, и*

молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему (Иак.5, 14–15)

Однако Церковь – не лечебница, а Таинства церковные – не магический обряд, который сделал, и все устроилось. Без веры, без желания изменить самого себя, то есть без реального покаяния (по-гречески «метанойа» – буквально: перемена ума, поворот его к Богу) Таинства недействительны. И не надо верить «целителям», будто молитвы, псалмы и акафисты обладают самодовлеющей «лечебной» силой: для православного сознания звучит кощунством «акафист от рака или от пьянства», «молитва от зубной боли» и т. п. Нет, глаголы жизни вечной, звучащие в них, должны будить душу от тяжкого сна греховного.

Но чтобы извлечь из святых Таинств церковных, так сказать, максимум благодати, человек должен потрудиться и сам. От болящего, впрочем, никто не ждет подвигов телесных, напротив, даже положенные для всех православных христиан посты смягчаются или вовсе отменяются для них: болящие, как говорил старец Оптинский Никон, спасаться должны терпением скорбей и Богу за них благодарением. И конечно – молитвою.

Молиться можно во всякое время и во всяком месте – сидя, стоя, лежа, в движении, в больнице и дома. Очень хорошо краткое правило, преподанное свт. Игнатием Брянчаниновым для чтения в нашествии скорбей:

1. Слава Богу за все!
2. Господи! Предаюь Твоей Святой воле! Буди со мною воля Твоя!
3. Господи! Благодарю Тебя за все, что Тебе благоугодно послать на меня.
4. Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!

Кто в силах, должен читать утреннее и вечернее правило из Молитвослова, но непременно не спеша, с размышлением о прочитанном, с соблюдением трех условий, при которых молитва только и может совершаться: внимания, благоговения и сокрушения сердца. В остальное время можно творить молитву Иисусову, как заповедано святыми отцами.

Да, болезнь есть серьезное испытание человека; неверующего – на достоинство его жизненных ценностей, верующего – на крепость его веры. Все земное, писал свт. Тихон Задонский, как «вода мимотекущая». Православная церковь всегда учила своих чад не доверять ничему временному, но полагаться на Вечное и в своих молитвах испрашивала им всегда только самого главного: «христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшнем Судищи Христове, просим».

Дарение жизни

С тех пор, как знаменитый хирург Кристиан Барнард в 1968 году осуществил удачную пересадку сердца, в мире были произведены тысячи аналогичных операций, а также сотни тысяч трансплантаций почек и печени. Трансплантология стала одной из привычных областей медицины. С начала 90-х годов и в нашем городе делают, и довольно успешно, операции по пересадке почек. Весьма непростое технически, дело это выглядит неоднозначным и с этической стороны.

Пациент, нуждающийся в замене поврежденного органа (реципиент), проводит в ожидании трансплантации немалое время. Во-первых, оно уходит на серьезное иммунологическое исследование: происходит определение более чем 40 факторов иммунитета. Медики стараются получить максимально полные данные, ведь если пересаженный орган окажется несоответствующим организму реципиента хотя бы по одному фактору, произойдет его отторжение. Во-вторых, время уходит на подбор нужного органа, подходящего для трансплантации. Кто же является их поставщиком (донором)? Как правило, ими становятся люди 25–45 лет, получившие черепно-мозговую травму, которая, как выражаются медики, несовместима с жизнью. В отделениях реанимации или нейрохирургии, куда доставляет такого рода пострадавших «скорая», им проводится интенсивное лечение. Однако, если по мнению врачей, несмотря на сохраняющуюся сердечную деятельность, перспективы выживания пациента равны нулю, то им – потенциальным донором – начинает заниматься бригада биохимиков и специалистов по трансплантации. Экстренно составляется иммунологическая карта донора (те самые 40 факторов), которая затем вводится в компьютер. А далее... Далее начинаются проблемы.

Проблема первая: диагностика смерти мозга. Реаниматологи различают три вида смерти – клиническую, биологическую и социальную. Первая – состояние, длящееся не более пяти минут (хотя бывают и исключения), является обратимым, если в течение этого интервала времени удастся заставить сердце сокращаться. Если же нет – наступает необратимая биологическая смерть. Смерть же социальная тождественна понятию «смерть мозга»: сердце работает, но часть отделов головного мозга прекратила жизнедеятельность; человек, как биологическое существо живет, но как личность перестал существовать. Однако реальность всегда сложнее любой схемы. Медицина знает немало парадоксальных случаев, когда к пострадавшим с весьма значительной травмой мозга возвращалось сознание и восстанавливались, казалось бы, навсегда утраченные функции. Четких критериев для однозначного суждения о наступлении смерти мозга нет – все принятые в настоящее время методики ее диагностики позволяют лишь с высокой долей вероятности предполагать смерть мозга, но окончательное заключение врачей никогда не бывает абсолютно категорично. Еще Гиппократ называл медицину искусством, т. е. областью в некотором смысле противоположной научному знанию, оперирующему точными понятиями и имеющему – при соблюдении должных условий – один и тот же всегда воспроизводимый результат. Медицина слишком зависима от знаний и мнений конкретных ее представителей. Наверное, поэтому столь серьезный диагноз, как смерть мозга, должен непременно выноситься консилиумом врачей, причем, без участия в нем трансплантолога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.